

Очевидно то, что позитивный нормативный порядок в конечном итоге оказывается подчиненным религиозно-нравственным установкам.

Формирование правосознания религиозного характера и вообще распространение религиозности в современном общественном сознании вопрос отдельный. Однако в современном правовом сознании, на наш взгляд, могут формироваться конструкции, которые по своим характеристикам приближаются к религиозным. Они воспринимаются основной массой носителей общественного сознания некритично, причем как на низшем, так и на высшем уровне. Роль этих идеологов (мифологов) в общественном сознании достаточно велика. Они несут значимые для идентифицирующих себя с определенной социальной общностью индивидов смыслы.

На настоящем этапе общественного развития, как это не странно на первый взгляд звучит, по мнению некоторых современных исследователей, мифологические конструкции могут занимать определенное место в общественном сознании и даже собственно в правовом сознании, выполняя определенную функцию. Достойна внимания достаточно интересная мысль, в работе Ф. Б. Рахманова, посвященной анализу мифологической составляющей права. Автор обратил внимание на то, что для человека современной эпохи, которая ориентирует нормативность на защиту прежде всего персональных ценностей атомизирует социальную действительность, выступает актуальной ориентацией на надындивидуальные конструкции. Они позволяют «одухотворить» правовую реальность, освободить человека от сомнений. В современном правосознании, по мысли автора, можно обнаружить различные «фигуры мифомышления». В частности духовная апелляция к высшему авторитету (выражающаяся в ориентации на легитимирующие нормативную систему феномены, которые определяются в зависимости от методологической установки). Кроме того, апелляция к «высшей справедливости» («чуду»). Также «апелляция к тайне» (осознание непостижимости мира права в его «конечной глубине»)¹. Несмотря на дискуссионность общей установки и используемой терминологии, наличие в правовом сознании устойчивых представлений, принимаемых и транслируемых значимым большинством, как обычных носителей общественного сознания, так и профессионалами-исследователями, не вызывает сомнений.

Следует обратить внимание на то, что идеологемы в правосознании (вне зависимости от того носят они мифологический или религиозный характер) могут оказывать на коллективно-историческую социальную память различное влияние: возможно, положительное, в том случае, когда они способствуют укреплению общего представления о значимости иерархии норм, но, возможно, и отрицательное в том случае, когда они затрудняют осмысление сущности правового феномена или закрепляют комплексы отрицательных представлений об особенностях национального правосознания. Эти представления объективируются и оказывают существенное влияние на оценки тех или иных феноменов правовой реальности, да и на саму логику их исследования. Вырваться из смыслового поля этих представлений часто весьма сложно, но, на наш взгляд, необходимо (что периодически наблюдается)².

Анисин Андрей Леонидович,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России

Правотворчество как память и как продуктивное воображение

Всякий социальный процесс включает в себя как элементы традиции, так и элементы новаторства. Никакой, даже самый последовательный консерватизм не может не откликаться на новые вызовы, перед которыми встает общество. Никакой, даже самый безоглядный революционный прогрессизм никогда не может отвергнуть в прошлом все и начать с нуля. Эти истины достаточно тривиальны и вполне распространяются на право как социальный институт. С одной стороны,

¹ Рахманов Ф. Б. Взаимосвязь права и мифологии // Право и современные государства. 2016. № 1. С. 39–40.

² Марченя П. П. Массовое правосознание как критерий идентичности: «две России» и миф о русском нигилизме // Групповая идентичность в истории и культуре: этнос, религия, социальный организм. сборник научных статей. Московский гуманитарный университет, Кафедра истории, Кафедра философии, культурологии и политологии; ред. кол.: С. В. Алексеев (отв. ред.) и др., Москва, 2011. С. 110–115.

право имеет в качестве одной из основных своих функций поддержание стабильности общества. Но, с другой стороны, правовая система во все времена очень живо откликалась на злобу дня, на актуальные изменения в общественной жизни. И это вполне естественно: обеспечивать стабильность общества всегда приходится в меняющихся исторических условиях, и, следовательно, необходимо обеспечить в этих новых условиях сохранение и воспроизводство базовых параметров общественного уклада.

Описанный механизм «естественной эволюции» права, сочетающий элементы традиционализма и новаторства, успешно действовал на протяжении всей истории человечества. В современном мире правотворчество по своей форме также вполне укладывается в эту схему: на основе имеющейся политико-правовой традиции вырабатываются новые правовые нормы, относящиеся к изменившимся или впервые возникающим социальным реалиям. Однако целый ряд современных тенденций правовой политики заставляет серьезно задуматься о соответствии этой формы реальному содержанию происходящих процессов. Слишком многое указывает на то, что речь сегодня идет о некоем *кризисе* правового сознания. Констатируя этот факт, мы имеем в виду прежде всего изначальное значение слова «κρίσις» (в переводе с греческого языка «суд»), необязательно осуждение, но, как минимум, разбирательство.

Начать наше *критическое* рассмотрение современных проблем правосознания и правотворчества стоит с вопроса о том, чем является право по своему онтологическому и аксиологическому смыслу. Хотя бы некоторые ориентиры в этом вопросе наметить надо. Примечательно, например, что во многих языках право как форма регламентирования жизни выражается тем же словом, что и правая сторона. К этому же корню восходят и слова «править», «исправить», «управление», «правота». За исключением условных политических ярлыков «правых» и «левых», все непространственные значения слова «правый» имеют позитивную ценностную окраску и ассоциируются с причастностью к порядку и истине. В чем же причины такой связи правой стороны с идеей правильной организации жизни? Эту логику не так-то просто объяснить. Если, например, отталкиваться от того, что у большинства людей правая рука более развита, чем левая, то из этого скорее следовала бы связь правой стороны с понятием силы или ловкости. И действительно, такое употребление имеется: *десница* (то есть правая рука) поэтически и метафорически выражает идею силы, мощи, власти. Правая *рука* символизирует силу, далеко не всегда совпадающую с правильным порядком и праведностью. А в чем же смысловой исток правоты, правильности и праведности?

Позволим себе высказать гипотезу, для доказательства которой мы не имеем достаточных филологических данных, но которая представляется весьма основательной с философских позиций. Смысловым корнем права как системы правильной регуляции общественной жизни является не статичное расположение «справа» или «слева» (которое, отметим, принципиально относительно), а движение «направо» или «налево»: отсюда глаголы «править», «исправлять», «выправить» и т. д. На первый взгляд, это тоже вызывает недоумение: с правильностью и праведностью, казалось бы, больше ассоциируется «прямота» без уклонов вправо или влево, — «золотая середина», «царский путь», избегающий крайностей. Невозможно было бы объяснить, почему «уклоняться на правые стези» лучше, чем «ходить налево», — если не вспомнить, что Солнце по небу ходит *слева направо*. По крайней мере, в северном полушарии и в средних широтах это очевидно так. Представляется, что именно этот образ движения Солнца (владыки неба) слева направо лежит в основе символики правильного хода вещей в мире и правового порядка в обществе.

Итак, право называется правом потому, что в нем закладывается идея исправления жизни по абсолютному образцу, идея сознательного следования тем путем, который онтологически первичен. Мировоззренческая легитимация права первоначально имеет религиозный характер: идет ли речь об апелляции к верховной воле Бога-Творца или же о следовании безличному и непостижимому Дао. «Божественное право» мыслится как отражение в человеческом обществе либо тех законов бытия, которые дал Творец, либо принципов пантеистической божественности в том случае, если Абсолют понимается безлично.

Концепция «естественного права» является первым шагом в процессе секуляризации правового сознания, хотя — парадоксально — берет свое начало этот процесс в период резкого всплеска религиозной пассионарности в Европе. XVI и XVII века европейской истории — это эпоха религиозных войн, именно в это время закладываются основания представлений о неотчуждаемых естественных правах человека. Эмансипация правосознания от религиозных обоснований происходит постепенно. С одной стороны, уже в первой четверти XVII века Гуго Гроций больше апеллирует

к природной справедливости, чем к божественному установлению¹, но, с другой стороны, даже в последней четверти XVIII века авторы «Декларации независимости США» пишут: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»².

Дальнейшая секуляризация идеи права связана с переносом смыслового центра этой идеи «внутрь человека»: с переходом от утверждения объективных внеположных человеку оснований права к его обоснованию, исходя из внутренней личной убежденности. Так, например, Гегель в «Философии права» пишет: «Человек не останавливается на налично существе, а утверждает, что внутри себя обладает масштабом правого: он может подчиниться необходимости и власти внешнего авторитета, но никогда не подчиняется им так, как необходимости природы, ибо его внутренняя сущность всегда говорит ему, как должно быть, и он в себе самом находит подтверждение или неподтверждение того, что имеет силу закона»³. Однако при этом не следует забывать, что эта «внутренняя сущность», обладающая «масштабом правого», есть, по Гегелю, одна из форм объективного духа, иначе говоря, — ступень самопознания Абсолютной идеи.

И, наконец, в своем финальном, хрестоматийном виде «естественное право» понимается в правовой мысли как «сумма требований, по своей исходной основе непосредственно, без какого-либо прямого людского участия рожденных самой натуральной жизнью общества, «природой», «естественным» человеческого бытия, объективными условиями жизнедеятельности, естественным ходом вещей»⁴. Если у Гегеля «масштаб правого», которым внутренне обладает каждый человек, возводится так или иначе к Абсолюту (к Абсолютной идее, ко всеобщему разуму), то здесь речь идет именно о рождении правовых требований из «натуральной жизни общества», из «естественного хода вещей».

Сегодняшнее правосознание далеко ушло от установок не только «божественного», но уже и «естественного» права. То право, которое формируется в современном мире, за неимением более подходящих слов, следует назвать «виртуальным». Речь не идет о технологиях виртуальной реальности (хотя некоторые параллели здесь возможны). Речь не идет о классическом понимании виртуальности как возможных или воображаемых объектах и состояниях, которые могут при определенных условиях возникнуть (хотя именно этот корневой смысл нам нужно иметь в виду).

Речь о том, что в современном мире право все больше лишается какой бы то ни было реальной основы. Этот процесс еще только начинается, он существенно сказывается пока только в сфере правовой идеологии, но уже переходит и в практическое законотворчество. Наиболее прогрессивная правовая мысль отбрасывает не только идею божественной санкции права, но и его обоснование с позиций «натуральной жизни общества» и «естественного хода вещей». Основой правосознания отныне должны стать ценности трансгуманизма и постгуманизма, ориентированные на свободу преодоления собственной человеческой природы.

Возможно было бы более содержательно назвать эти новые горизонты права «трансгуманным» или «постгуманным» правом, однако, во-первых, такие наименования невольно несут оценочный смысл (не исключено, что верный, но неуместный в рамках разбирательства по существу). Во-вторых, никакого трансчеловека и постчеловека не существует в реальности, а разговоры о «трансгуманном / постгуманном праве» навязывают обсуждение о нем как о чем-то реально существующем. Постчеловек или трансчеловек (приверженцы соответствующих течений современной мысли сами до конца не разобрались в различиях своих позиций) является виртуальностью, паранаучной фантастикой, однако именно этот виртуальный объект является определяющей фигурой в наиболее передовой политической и правовой философии современности. Следовательно, на наш взгляд, правильно будет сказать, что на смену «божественному праву» и «естественному праву» приходит в современном мире «виртуальное право». Это виртуальное право основано не на исторической традиции, не на абсолютных ценностях и не на естественном порядке вещей, а на полном произволе продуктивной силы воображения.

¹ См.: Гроций Г. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Гуго Гроций; пер. с латин. А. Л. Саккетти. М.: Ладомир, 1994. 867 с.

² Декларация независимости США // Википедия. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Декларация_независимости_США (дата обращения: 01.11.2021).

³ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 57.

⁴ Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // Сочинения. М.: Паритет, 1995. С. 418.

Виртуализация права наиболее ярко проявляется в тех сферах, где прямо затрагивается статус человека в качестве человека: проблема клонирования человека, проблема эвтанази, проблема абортов, проблема смертной казни, проблема однополых браков, проблема гендерной идентичности. В основу решения этих проблем передовая правовая мысль кладет произвол грядущего постчеловека, не связанного никакими объективными ценностями. Самого этого постчеловека еще нет, а его воля уже предлагается в качестве обязательной к исполнению. При этом самообожествление человека в лице этого грядущего пост(сверх)человека на деле уже теперь оборачивается самоуничтожением, если не в физическом смысле, то в смысле сущностном.

Еще в первой половине XX века Клайв Стейплз Льюис описывает процессы эмансипации человечества от объективных абсолютных основ регулирования жизни (которые он образно называет «дао»: «это — путь, по которому движется мир. Но это и путь, которым должен следовать человек, подражая порядку Вселенной»¹). В качестве грядущего итога этой линии развития говорит о тех трансляциях, которые навязуют нам нормы, не обоснованные ничем, кроме чистого произвола. «В старом смысле слова они вообще людьми не будут. Если хотите, они — люди, отдавшие принадлежность к роду человеческому за право решать, каким быть человеку»². Процесс эмансипации человека от абсолютных ценностей приводит в своем финале не к возвышению человека, а к низведению его до уровня природы, «низводит же себя, человека, на уровень природы дурно вот почему: если ты сочтешь себя сырьем, ты сырьем и станешь, но не себе на пользу. Тобю будет распоряжаться та же природа в лице обезчеловеченного человекодела»³. Таким образом, оказывается, что «победив природу, человек отменил человека»⁴.

Логический выбор, как это поясняет К. С. Льюис, очень прост: «Одно из двух: или мы разумные, духовные существа, подчиненные навек абсолютным ценностям дао, или мы «природа», которую могут кромсать и лепить некие избранные, руководимые лишь собственной прихотью. Только дао объединяет едиными правилами властвующих и подвластных. Без догмата объективной ценности невозможна никакая власть, кроме тирании, и никакое подчинение, кроме рабства»⁵.

Вместо выводов. Исходя из всего сказанного, что же делать тем, кому категорически не нравится «отмена человека» в пользу «пост(транс)человека» и переход от естественного и божественного права к праву виртуальному, реализующему на деле принцип «Если Бога нет, то — все позволено»? Несколько опорных тезисов можно сформулировать так.

Необходимо исходить из того, что история не имеет законов, понимаемых в русле классического детерминизма (как признает уже больше полувека современная наука, даже в естествознании «детерминизм является ошибочной позицией»⁶). История движется свободной человеческой волей, которая имеет, конечно, свою специфику реализации на индивидуальном и на коллективном уровне, но не перестает от этого быть принципиально свободной. Это означает, что ничего фатального в жизни человеческих сообществ и человечества в целом нет. Виртуализация права — тенденция, но не неизбежность.

Идеология гуманизма, провозгласившая когда-то человека как высшую ценность, логически приходит к отрицанию человека как ценности, к идее его «преодоления» и «отмены». Право должно обрести настоящую онтологическую опору в ценностях абсолютных.

Рационализм, призванный эмансипировать человека от власти религиозных ценностей и слепых законов природы, оборачивается дегуманизацией человека. Право должно основываться не на рассудке, а на цельном разуме, к имманентным способностям которого относятся и религиозная вера, и нравственное самоопределение, и эстетическое чувство.

Материалистический натурализм, также положенный в основание научного мировоззрения и прогрессивного развития, ведет к нивелированию человеческого достоинства и к беспочвенности в вопросах культуры, правовой в том числе. Право должно исходить из презумпции человека как духовного существа, а также из реальности духовных традиций народов, представленных в актуальной культурно-исторической памяти.

¹ Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 379.

² Льюис К. С. Человек отменяется // Льюис К.С. Собр. соч. в 8 т. Т. 3 / пер. с англ. М.: Фонд имени Александра Меня; СПб.: Библия для всех, 2003. С. 398.

³ Там же. С. 401.

⁴ Там же. С. 398.

⁵ Там же. С. 401.

⁶ Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 48.